

К 80-летию поэта
Виктора БАЯНОВА

ПИСЬМА ВИКТОРА БАЯНОВА К МИХАИЛУ НЕБОГАТОВУ

Из дневниковых записей Михаила Небогатова, из его писем к родным, по свидетельству сына Небогатова Александра становится ясно, что Виктор Михайлович Баянов был не просто другом, собратом по перу, но и желанным гостем в доме Небогатовых.

Необыкновенно скромный, Виктор Баянов, конечно, осознавал свою самобытность, свой талант, масштабность своей личности. Но никогда не выпячивал это ни перед кем.

Оба поэта были «единокровными» по отношению к поэзии, в своём отношении к литературному труду, в абсолютной убеждённости в том, что каждый художник слова должен всегда и во всём оставаться самим собой, быть предельно искренним со своим читателем, не кривить душой, быть порядочным человеком в обычной жизни. И может быть, именно поэтому так долго продолжалась их дружба – человеческая, а не только творческая. Даже в письмах друг к другу они, оставаясь обычными людьми, были требовательны к слову, слогу, смысловой наполненности каждой фразы. Поэтому в письмах Баянова к Небогатову невозможно не увидеть, не почувствовать за отдельными строчками человека, профессионально, со всей отдачей занимающегося литературой.

Часть писем из личного фонда Михаила Небогатова была передана в государственный архив Кемеровской области сначала вдовой поэта Марией Ивановной в 1997 году, а потом в 2000-м дочерью Светланой. Благодаря тому, что письма бережно хранились в семье, мы и имеем теперь возможность познакомиться с ними.

Это письма периода учёбы В. М. Баянова на Высших литературных курсах (ВЛК) в Москве (1967 – 1968 гг.)

ПИСЬМО ВТОРОЕ

Миша, здравствуй!

Вот я и в Москве. Доехал хорошо и устроился тоже. Комната большая и хоть не очень светлая, но зато тихая. Это в районе Останкино. Рядом с полукилометровой телевышкой. От общ. до ВЛК – 30 минут на троллейбусе.

Уже два дня отзанимались. Вообще, Миша, придётся мне, наверно, трудно-вато. Лекций много, трудные, но и очень интересные. Сижу как на концертах.

Изучать будем: теорию литературы, зарубежную литературу XX века, античную литературу, теорию изобразительного искусства, музыки, политекономию, д. материализм, ин. яз.

Кроме этого – русская классика – Пушкин, Гоголь, Толстой, Есенин! и т. д. Ну, и семинары творческие, где уже будут говорить о нашем творчестве.

Будут, говорят, выезды в Ленинград, Ясную Поляну, Бородино и др. места, связанные с историей и культурой. Короче говоря, курсы должны дать многое в смысле общего развития, расширения кругозора, приобретения мастерства. Только не валять дурака. Ведь такой возможности больше уже не представится. Верно?

30-го, придя домой, обнаружил на полу записку. По почерку сразу узнал Ж. Буравлёва (он здесь проездом с женой). Остановился в «Москве». Я съездил к ним, поболтали, в кино сходили. 26-го он будет на пленуме здесь, снова, может быть, встретимся. Всё веселей на душе!

Вот такие дела пока. Дальше – время покажет. Думаю, что всё будет хорошо и, встречая новый 1968-й, мы вместе поднимем стаканы с сухим винцом, а? Ну, а пока, Миша, если будет время и охота, черкни мне что-нибудь. Буду радёхонек.

Ну, а пожелать тебе – пожелаю, чего и себе самому – хорошего здоровья, настроения и стихов.

Виктор. 3.IX.67 г.

P.S. Вчера нам сообщили, что умер Эренбург. Завтра, в понедельник, в ЦДЛ будет стоять гроб. Надо, наверно, сходить.

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ

Миша, здравствуй!

Получил первую весточку с родных мест – твоё письмо. Говоришь, и Володя Измайлов тоже наострил лыжи? Что ж, скатертью дорожка, как говорят.

А у меня тут Соболев ночевал, а потом получил комнату у нас в общ... Он, Соболев, сказал мне, что Г. Немченко тоже уезжает от нас в Майкоп.

Сегодня ездили в Бородино. Зрелище, сам понимаешь, захватывающее. Осмотр начали с шевардинского редута, где был дан первый бой французам перед Бородинским сражением (Шевардинский редут значительно выдвинут от основной линии наших позиций. Пока шёл бой за него, наши успели достроить основные укрепления). Затем побывали на Багратионовых флешах, батарее Раевского, где сейчас могила Багратиона. Рядом растёт серебристый тополь, посаженный в день погребения. Это могучее, в четыре обхвата, дерево. В бородинском музее меня привлекали личные вещи Кутузова и Наполеона.

Знаешь, Миша, когда читал я литературу различную о Бородинском сражении, то плохо представлял себе и дислокацию войск, и расположение укреплений

и т. д. А сейчас другое дело. Посмотрел своими глазами, и всё стало просто и ясно. Поле подзаросло новым лесом, которого не было в те дни. На поле 49 памятников различным воинским частям. А на командном пункте Наполеона французы поставили памятник сами.

Миша, ты просил подробнее о Эренбурге?

Нас пригласили в ЦДЛ для несения поч. караула. Так мне пришлось увидеть Эр. первый и последний раз. На гр. панихиде, которая состоялась тут же в зале, было сказано много хорошего. Говорил Б. Полевой, Ю. Жуков, представитель испанской Компартии, общества Фр. – СССР и т. д. В зал было невозможно пробиться, и мы слышали эти речи по радио в фойе ЦДЛ. Там я долго видел Твардовского. Он на панихиде в зале не был, а сидел в фойе тоже, курил, вздыхал и вынимал платок. Руки у него большие, жилистые и вид совсем не лощёного интеллигента.

Был там Евтушенко. Ну, этот был занят только собой, рисовался, производил впечат. страшно занятого, куда-то спешащего человека. Часа 2 он там винтом ходил (было народу много, и он, видно, думал, что все смотрят только на него). Короче говоря, видно, что это хват, каких белый свет не видывал. Этот не пропадёт, не затеряется в толпе. Были там Тихонов, Рождественский и мн. др.

Новостишек интересных нет у меня. «Октябрь» прокатил меня до 11 номера, как они говорят. Агеев сказал, что ставил на 8 нр, но он ушёл в отпуск, и без него, мол, там поставили кого-то вперёд.

Стишки, наверно, придётся надолго забросить. Тяжеловато. Ребятам с высш. образованием легче. Они как бы повторяют пройденное, а мне всё это – первый снег на голову. Много приходится конспектировать.

Миша, а что с Игорем Киселёвым? Каков исход? Будешь в изд. – привет В. Банникову, В. Мазаю, ну, и Игорю, если он трудится в изд.

Ну, всего хорошего, Миша. Пиши, когда время будет.

Пока. 12.IX.67 г.

ПИСЬМО ЧЕТВЁРТОЕ

Миша, здравствуй!

У меня к тебе большая просьба: отнеси, пожалуйста, стишки в «Кузбасс». Посылать прямо на ред. не решился – концов не найдёшь. Отдашь их Бельчику с просьбой моей посмотреть их. Может быть, что-то понравится, и дадут. Мне сейчас так нужно рублей 50 – 60.

Дом тревожить уже не хочу. Не знаю – как стихи. Ещё не отлежались и есть ещё не нравящиеся мне самому места, но – нужда крайняя. После я их ещё погляжу.

Миша, если что-то им поглянется и дадут, то гонорар пусть перешлют сюда по адресу, который ты знаешь.

У меня пока всё нормально. В Москве холода, погода паршивая – все болеют гриппом. Я пока держусь.

Выписали мне очки – близорукость какая-то появилась. Зрение, мол, ещё пока хорошее, но желательно бы очки.

Ночевал у меня Рязанов. Он сказал, что В. Изм. уже переезжает, послал часть багажа. Из Коктебеля уже не возвр. в Кемерово. Говорит, что многие

журналисты убежали на более тёплые места. Что ж, это естественно. Значит, Миша, ты там один из поэтов остался. Давай, разворачивайся во всю мощь, работай за всех нас – отсутствующих.

Измайлов через пару лет будет в Москве, убей меня бог. Кишинёв – это продуманный, хитрый финт.

Ну, ладно, Миша. В другой раз напишу больше. Сегодня три письма катаю: Олегу, тебе и домой. Писать много приходится, рука болит. И почерк совсем испорчу, видно, – спешка страшная.

Ну, будь здоров, Миша.

Привет Марии Ивановне.

ПИСЬМО ПЯТОЕ

Миша, здравствуй!

Может быть, я кажусь назойливым, отрываю тебя от дел своими пустяковыми письмами? Я не Измайлов, в эпистолярном жанре слабак. Пишу так, как и говорю – косноязычно, не изоцряясь, не заботясь о стиле и логике. Что на душе, то и на языке. Просто хочется поговорить с тобой, поделиться кой-чем. А ты, Миша, если занят сильно бываешь, то не отвечай сразу, а отвечай, когда будет время и охота. Я не обижусь – понимаю.

Вчера получил твоё письмо с краткой консультацией. Очень рад, что тебе стихи понравились. Ты, обычно, – барометр верный и очень часто предсказываешь погоду в мою пользу. Хотя мне самому кажется, что в бординском стихе вторая половина (от слов: ...жду гонца от старого фельдмаршала с кургана...) слабее, очень обща, общительна. Я ещё над ним подумую. Если лучше сделаю, то хорошо, а нет – так оставлю. Говоришь, поработал хорошо? Это и мне приятно. А строфу ты мне прислал великолепную. Она чиста, глубока и естественна. А форма легла на содержание, как и всегда у тебя, – тютелька в тютельку. Нигде ничего не выпирает, не топорщится. Я так ещё не умею отделять (об этом мы с тобой говорили как-то).

Нового я ещё не начинал ничего. На этой неделе поеду (в четверг) в Ясную Поляну. Может, что-нибудь оттуда привезу.

На днях был в ЦДЛ на вечере «Сибирских огней». Был Смердов, Решетников, Фоняков, Яновский.

Выступили Е. Пермитин, А. Караваева, С. Залыгин. Ну, и мы читали свои стихи с Женей Буравлёвым (он тут на пленуме). Сегодня он уезжает домой. Я звонил ему в гостиницу, простился.

Вчера была у нас встреча с Егоровым – это который водрузил знамя на Рейхстаге, и с Девятаевым, вырвавшимся из плена на немецком бомбардировщике. Егоров – чудесный русский парень – скромный, простой. Он работает на молзаводе каким-то диспетчером. Я смотрел на него, когда он слушал Девятаева. Слушал, раскрыв рот, весь внимание и напряжённость. Как будто он – сам герой из героев! – ничего-то не видывал кроме своей деревни, не испытал, не имеет 14 орденов. Просто чудесный парень! А о себе, о водружении знамени, когда из 220 человек осталось 18, он рассказывал просто, обыденно как-то, словно дело это – так себе, обычное. И чувствовалось, что это не игра, а полное соответствие с его внешним обликом и, видимо, характером. Не могу представить на его месте ни одного из наших общих знакомых...

Видел в ЦДЛ Агеева. Помялся он и сказал, что стихи мои пойдут, может быть, в этом году. Но говорил неуверенно и как-то быстро смылся. Вообще, тёмное дело. После этого и идти больше не хочется ни в какой журнал московский. Смердов же мне сказал, что 4 стиха пойдут в декабре. И Саша Романов сообщил письмом о том же.

Приходилось мне читать стихи в среде московских поэтов. И я пришёл к такому выводу: если твоё стихотворение хуже, чем их, то они его похвалят. А если лучше, то тут же начнут говорить, выискивать блохи. Что-нибудь да найдут, но всё равно тебя принизят и посадят ступенькой ниже. Никакой искренности и честности в оценке. И это у них такое правило.

Один (некий В. Кочетов) пришёл в общежитие к нам и похвалялся во хмелю, что-де лучший стилист. А когда он прочёл стихи, я сказал, что версификация действительно на высоте, но она – ещё не поэзия. Да и стилизация под народность прёт через край. Он не обиделся, но и мне не стал делать замечаний. Коротче говоря, я применил контрудар, и ему катить на меня телегу было уже неудобно.

Есть, конечно, ребята и неплохие...

...Дни пролетают довольно быстро. Скоро праздник, а там и Новый год не за горами. Лишь бы было всё хорошо.

Миша, если мои дадут, то пришли вырезку. И свои пришли.

Я в связи с посылкой стихов вспоминаю Женькино стихотворение:

*Иной и двинул бы в столицу,
Да пораскинет наперёд,
Что там ему не прокормиться,
А тут – корова, огород.
...И письма шлёт, и пьёт с тоскою,
Что не пришёлся ко двору.*

Горько, но так оно и есть.

Ладно, Миша. Будь здоров и весел. От души тебе – хороших стихов, как и себе тоже. Привет Марии Ивановне. Ну, пока.

28. IX.67 г.

ПИСЬМО ШЕСТОЕ

Миша, здравствуй!

Получил твоё письмо с рецензией и обзором. Обзор хороший. Всё доказательно, мягко, профессионально.

Я соглашусь с тобой относительно стихов А. Саулова.

Махалов не понял или не захотел понять «Родник». Оно не так уж созерцательно и декларативно, как ему кажется. Там ведь родник – символ Родины. На неё ведь извечно обрушиваются беды, но не только («Все падают – то плод рябины красной, то сладкий плод с малинова куста»). Разве это только любование пейзажем? Не знаю, может быть, я неправ, но стиль не настолько плох, чтоб его причислить к лишним в книге. Да и сделан он как зачин к книжке.

Я согласен с ним, что стихотв. «Я ещё не забыл» – слабое, а вот «Сторона любимая...» и «Дождь перестал, как по указке», думаю, органичны в книге и

сделаны. У него свой аршин неприятя. В конце рецензии он навешивает ответственность какую-то. Смотри-де, пиши лучше, а не то... Это тоже известный приём, которым пугают и сбивают с толку. Всё это приводит автора, как мне кажется, к излишним сомнениям, неуверенности, застою. Ведь бывает, что поэт, набрав какой-то потолок, долго идёт так, а потом – взлетел ещё выше. Это же сложно всё, и надо понимать. А напиши я сейчас книгу чуть похуже «Земли», тот же Махалов с радостью крикнет на всю область: не оправдал, исписался, сник и т. д.

Миша, не подумай, что я оправдываю свои слабые вещи – ни боже мой! Ты же знаешь, что я всегда за конкретную, честную, понимающую критику, а не за беглую и субъективную. Не было ещё поэта, у которого бы всё принималось безоговорочно, а у меня, грешного, недостатков больше, чем у кого-либо. Я это понимаю. Я просто не люблю Махаловской манеры, метода.

Вот если б я тебе сказал, что-де пиши лучше, от тебя ждут, оправдай – ты бы сказал мне не что иное, как: «Пошёл ты...», ибо никто не знает, что и как он завтра напишет. Всё может быть. Думаю, что каждый сам стремится написать лучше, глубже, ярче, и не надо никому, чтоб Махалов об этом напоминал. Жаль, что он сам об этом забывает.

А так – приятно, что есть рецензия, отклик. Бельчик, говоришь, взял стихи. Хорошо бы напечатали.

Замерзаю, Миша. Холодно по утрам в Москве, а я, дурак, не взял тёплых вещей из дому. Понадеялся на «Октябрь».

Спасибо, Миша, за услугу. Перепечатывать-то не надо было. В ред. бы перепечатали, если бы решили дать. А то у тебя своей работы через край, а тут ещё я.

Домой хочется – страсть. Хоть бы на денёк – другой. Ты вот говоришь, что я могу остаться где-то здесь. Нет! Никогда! Я слабое в этом отношении деревце – не приживусь ни в какой иной земле, хотя она везде своя. Здесь мало написать стихи, даже отличные. Их ещё надо печатать. А это ох как трудно. Сходиться с людьми я не умею, лебезить, пресмыкаться – тоже. А таких не любят и не понимают. Был бы я моложе, с неустойчивым ещё характером, не окрепшим, то, может быть, и можно было метаться, искать чего-то. А сейчас и оставили бы здесь, так не остался. Не могу без мест, где знаю каждую тропку, речку и т. д. И не люблю людей, у которых нет такой привязанности к родным каким-то местам. Я их просто не понимаю.

Вот бы встретиться, Миша. Наговорились бы до хрипоты, только бы сигареты отлетали. Встречи с тобой и простые наши беседы я вспоминаю, как самое дорогое.

Хочу, чтобы между нами никогда не пробежала никакая тучка, ни сквознячок – ничего. Это сохраняется только при честных и искренних отношениях, которые, я думаю у нас были и есть. Надеюсь, что будут всегда.

Ну, ладно, Миша. Пиши, когда будет время. Будь здоров.

Виктор. 30. IX.67 г.

ПИСЬМО СЕДЬМОЕ

Миша, здравствуй! Приезжаю сегодня из Ясной Поляны и вижу твоё письмо. Очень обрадовался. И стихи Махалова прочёл бегло – рифмовка его отталки-

вает, наверно, даже человека плохо мыслящего в поэзии. К тому же все они придуманы и реминисцентны, как всегда у него.

Сегодня в 7 утра мы отчалили из Москвы к Туле. Дорога великолепна, погода – тоже, ну, а природа Подмосковья, сам понимаешь, чудесна. Золото сплошное. По пути заехали в городок Чехов, а по-ранешнему – Лопасня. Сохранился в нём дом Васильчиковых, родственников А. С. Пушкина. После смерти Ал. Сергеевича дети его находились в основном там. В этом доме после останавливались Гоголь, Чехов, Горький, Л. Андреев, Л. Толстой. А. П. Чехов в этом районе на свои средства привёл в порядок дороги, открыл 3 медпункта, школу и т. д. Здесь же, в Серпухове (12 км от Лопасни) он написал очень много своих произведений.

Рядом с домом – церквушка. Это очень интересный памятник старины, а главное, там похоронен сын Пушкина Александр Ал., генерал от кавалерии. Умер в 1914 г. Рядом – его жена. Но, осматривая эти дорогие места, возмущаешься до глубины души бездушным, безалаберным отношением к ним: церквушка приспособлена под склад: из неё несёт гнилью и плесенью. Всё в заброшенном состоянии. Больно и обидно всё это.

Ясная Поляна содержится хорошо, но и над ней нависла большая опасность: в двух километрах от неё построили огромный химкомбинат, и весь дым, газ, чад оседает на заповедный лес и деревья гибнут от этого. На кой чёрт этот комбинат тут нужен? Его можно было построить в другом месте, ведь он работает на привозном сырье, и топливо тоже привозное.

Музей этот первый в мире по количеству подлинных вещей (более 2 тыс.). Всё сохранено от Л. Толстого. В этом заслуга его жены – С. А. После революции было здесь много разной залётной птицы, которая хотела скупить за большие деньги хотя бы незначительные вещи Л. Толстого. Но она не продала ничего, а в 1921 г. здесь и открылся музей-заповедник по настоянию и предложению В. И. Ленина. Площадь усадьбы более 400 гектаров. Великолепный лес – дуб, ясень, вяз, берёза и другие породы. Множество аллей, прудов, тропинок. На могиле его – ни креста, ни обелиска – ничего. Простой земляной зелёный холмик. Так завещал. В войну немцы рядом с ним хоронили своих офицеров, а после войны их выбросили. Работа, говорят, была очень сложна. Участвовала целая комиссия судебных экспертов и других специалистов. После об этом говорили на Нюрнбергском процессе. Вообще, впечатлений такая огромная гора, что давит. Может быть, я описываю элементарные, известные тебе вещи, но вот не могу удержаться. Какое-то взбудораженное состояние. Подробней обо всём потолкуем при встрече. На праздники нам обещают сделать долгий выходной – с 4 по 14 ноября. Многие ребята хотят слетать домой. Я вот тоже сижу и думаю: а не махнуть ли и мне.

Дело в том, что я записался на демонстрацию, думая, что всё равно делать ничего не буду и никуда не поеду. Я не знал, что такой большой выходной дадут. А являться на демонстрацию строго всем записавшимся, как нам сказали. Попробую уговорить начальство. Что-то загорелся мыслью о доме. Думаю, не будет большим преступлением, если я не явлюсь, правда?

На днях на смелился и пошёл в «Смену». Отдал 10 стихотворений в секретариат (там работает отв. секретарём мой знакомый Альберт Лиханов, бывший работник ЦК ВЛКСМ). Он взял взял, но ничего не сказал. Просил по-

звонить дней через 10. Может, что-то и возьмут. Хорошо бы было. Он спросил у меня, печатал ли я стихи в московской периодике из тех, что вошли в кн. «Моя земля». Я сказал – нет. Говорит, что если не наберётся цельная подборка из стихов, мною принесённых, то он на свой вкус попробует взять из книги. Страшного-де в том ничего нет. Но это они всегда так говорят. Я уже никому не верю, пока не увижу стихи напечатанными. Всё не только от него зависит. Там сильная редколлегия и вообще...

Был на днях в библиотеке им. Ленина, в отделе редких книг. Походил, посмотрел. Есть очень интересные книги, начиная от первонапечатанного «Апостола» и до наших дней. Не только наши, но и заграничные.

Вот такие новости у меня, Миша, за прошедшую неделю. Вообще, живу насыщенно, плотно. Больше ничего не написал пока, некогда было. Может, о Ясной что-нибудь напишу, но надо подождать, пока перебродит, уляжется.

Посылаю тебе кленовый листок из Ясной Поляны.

Всего хорошего.

Виктор. 6.X.67 г.

Тут хочется немного отступить от переписки и напомнить читателю то стихотворение, которое родилось у Михаила Небогатова в связи с этим дорогим для него подарком:

КЛЕНОВЫЙ ЛИСТОК

Из далёкой из Ясной Поляны
Вместе с грустью задумчивых строк
Получил я от друга нежданно
Золотистый кленовый листок.
Угловат, невесом и неярок.
Отзвенел на ветру и увял.
Но как дорог мне этот подарок,
Как он сильно меня взволновал...
С юных лет представлял я Толстого
Мудрецом, величайшим творцом.
Для меня он был вроде святого
С бородатым и строгим лицом.
А сегодня живого живее
Я увидел властителя дум
Просто старцем на летней аллее,
Где и солнце, и лиственный шум.
Одиноким раздумий любитель,

Он шагает. Вблизи никого.
И зелёная эта обитель –
Не музей, а усадьба его.
Вот присел на скамейку под клёном
В светлом мире деревьев и пчёл,
Вскинул брови и взглядом влюблённым
Всё вокруг, как хозяин, обвёл.
Скрылось солнце...
При ламповом свете
Он опять за столом над строкой.
И уже не старик в кабинете,
А бессмертный художник Толстой!
...Льну глазами к листку золотому,
Затаённо гляжу не дыша.
Вновь как будто к чему-то святому
Прикасается тихо душа.

Комсомолец Кузбасса. 1968. 15 июня. С. 3.

Продолжим листать письма.

ПИСЬМО ВОСЬМОЕ

Миша, здравствуй!

Получил письмо из дому и от тебя – радостно.

Репортаж твой мне понравился хорошей простотой и понятностью. Это я говорю с точки зрения рабочего человека, ставя себя на место любого рабо-

чего. Думаю, что этому виду чужды накруты и какая-либо усложнённость. А у тебя и славословие (в хорошем понимании), и душевная теплота, и гордость рабочим классом. Мужикам он будет очень по душе.

Рецензия на мой сборник тоже хороша. Не потому, что хвалит меня, а по манере, по тону и отношению. А. Ф.* (Кузбасский критик Абрамович А. Ф.) восстаёт там против такого построения фразы: «Лодка тихо и утло к теплоходу плыла». Ты как думаешь, правомерно ли такое построение? Мне кажется – да. Говоря о бревне, скажем, я бы не сказал «утло». А, читая о лодчонке, читатель, думаю, сам в уме построит обычную разговорную конструкцию: утлая лодка тихо плыла к теплоходу. Думаю, в поэзии могут быть такие смещения, только надо знать меру им. Возможно, я тут загнул сверх меры? Как тебе?

Ну, моя жизнь идёт эти дни плавно, без особых каких-то новостей. Немного приболел – простуда. Чихаю так, что, кажется, лёгкие выскочут из груди. Дня три назад захандрил, написал вечером тебе письмо тоскливое, отчаянное какое-то. А утром передумал отсылать, потому что это была «тоска момента», если перефразировать В. Изм. Вообще часто бывают угнетающе-тоскливые часы. Хожу, бывает, один по этажу, который можно представить по одной строке С. Есенина: «Снова пьют здесь, дерутся и плачут...», и такая нападёт грусть, что невозможно представить...

...Познакомился здесь с В. Гордейчевым. (Приезжим писателям за неимением гостиниц дают комнаты в нашем общежитии). Парень – чудо. Спокойный очень, простой, умеет слушать других и ценить работу других. Обменялись с ним книжками с автографом. Вася Казанцев тоже здесь живёт. Видел его у подъезда, обещал зайти вечером. Он парень обычный и не пьёт.

Домой, Миша, не удастся съездить на праздники. Отменили нам сии выходные. Говорят, мол, вас потом до конца ноября не соберёшь.

Я написал Тоне, чтоб приехала дня на 3 – 4. 10 дней возьмёт без содержания и ей хватит. Ко мне поездом, а отсюда отправлю самолётом. Привезёт мне свитер, пиджак тёплый и т. д. О Ясной ещё ничего не делал. Боюсь, что не напишу. Сейчас не пишется пока, а потом на свежие впечатления наслоятся всякой всячины и может затушевать их. Хотя всё равно где-то когда-то, видимо, напишу.

Но зато сочинил стишок об одиноком журавле, которого видел на Пахре. Посылаю тебе – почитай и скажи – как он тебе? Итак, Миша, за полтора месяца я написал здесь 6 стихотворений. Правда, два из них по старым заготовкам. Думаю, это не плохо. Если так будет писаться, то хорошую книжку можно будет написать за 2 года. Я имею в виду объём, конечно. Листа 2,5 можно. Но ведь у нас зачёты в конце каждого семестра и нужно будет корпеть над конспектами и книгами. Правда, зачёты будут не по всем предметам, а только по эстетике, политэкономии, зарубежн. лит. и спецкурсу по Достоевскому.

Вообще, Миша, страшно интересно всё, любая наука, когда она в системе, во взаимосвязи с другими науками и с самой жизнью. Преподают очень толково и так смело, что у нас на периферии уже давно бы от многих избавились.

Семинары творческие будет постоянно вести А. Межиров. Уже провёл 1 занятие. Мужик вроде ничего, хоть с первого знакомства трудно сказать что-

либо. Он не из тех, что видны сразу до конца. Глазами красив, бабам, наверно, нравится. Выглядит довольно молодо.

О судьбе своих виршей в «Смене» ещё не узнавал. Во вторник сбегаю.

Да, надо бы забежать в «Сов. Россию», напомнить о себе и сказать, что я в Москве. У Васи Каз. книга планируется на 1 кв. Так уже начинают работать с ним.

Васька хвалил твои стихи. Говорит, что не помнит – то ли в «Сиб. огнях» или в вашем альманахе читал подборку, и все понравились. Мне было приятно это слышать.

Перепечатал 15 стихотворений для обсуждения на семинаре. До меня уже двоих разбили в пух и прах. Но стихи были действительно слабые. Дадут и мне, не без этого. Это пусть. Если будут дельные замечания, то почему не прислушаться к ним.

Ну, ладно, Миша. Уже половина двенадцатого у нас, пора на покой.

Бывай здоров.

Виктор. 15.X.67.

ПИСЬМО ДЕВЯТОЕ

Миша, здравствуй!

Получил твоё письмище вчера вечером, а отвечаю сегодня вечером, т. е. 21 окт.

Хорошо, что хоть ты меня не забываешь и очень часто и подробно пишешь мне. Очень рад, что вирши показались тебе не совсем плохими в целом. С замечанием твоим вполне согласен. Надо поправить строку о крыле, это не трудно. Просто я не заметил этого грешка, когда написал его.

На днях приходил к нам на ВЛК Арсений Тарковский. Читывал такого? Я помню, что видел стихи его в магазине, но не купил его – не понравился чем-то, а чем именно, я понял только после этой встречи: холодностью, сухостью, умозрительностью. Видишь только, что он блестяще владеет формой, знает все тайны мастерства. Иногда царапнет за душу, а когда вдумаешься, то поймёшь, что царапнул опять же мастерством. Мастерство у него достигло такого уровня, когда его, мастерство то есть, можно принять за чувство. Я совсем недавно понял, что и под чувства можно подделываться.

Ведёт себя высокомерно, как бы познавши все тайны бытия. Не советовал читать стихи других поэтов.

О Пушкине сказал, что он ничего не создал в поэзии нового, а только собрал и придал стройность всему, что было до него. Ну, я уже не удивился этому. Я уже видел всяких ниспровергателей похлеще Тарковского. Да и ты их видел и читал. Я вот слушаю его, и во мне злоба закипает: какой-то гном позволяет себе так просто и даже с оттенком превосходства говорить, да о ком – о Пушкине! Я слушал, слушал, а потом стал с откровенной иронией улыбаться, глядя на него. Обнаглел тоже. И понимаешь, он не стал на меня смотреть. Думаю, понял мои мысли о нём.

Ну, ладно, бог с ним, расскажу лучше о сегодняшнем дне. Сегодня, т. е. 21 окт., я был на объединённом пленуме работников творческих. Проходил он в великолепном Дворце съездов. Я был первый раз в нём и дюже он мне понравился – чудо. Встретил Женю Буравлёва, поболтали. Вообще много было звёзд. Видел

Твардовского и Рыленкова, Федина и Тихонова, Симонова и Вознесенского, Расула, Кайсына, Соловьёва-Седого, Хачатуряна, Хренникова – словом, легче перечислить, кого не было на этом пленуме. Выступления были официальные. Кроме секретарей творческих союзов выступили только О. Гончар, А. Тарасов, А. Баталов, А. Хачатурян и ещё кто-то из композиторов. Потом заключительное слово Фурцевой, и на этом работа пленума была закончена. Вообще очень интересно было в перерывах. Понаблюдал немного за Вознесенским. Он сидел немного сбоку и сзади меня с Ахмадулиной. Тоже дёрганный, пижонистый, сидел, гримасничал что-то и громко смеялся, обращая на себя внимание.

После пленума мы с Женей взяли такси и поехали по магазинам – Женя что-то искал себе, но так и не нашли что надо. Наездили 10 р. И поехали ужинать в ЦДЛ. Пить не пили, только поужинали и уже направились в гардероб, как видим – навстречу идёт В. Измайлов. Мы вернулись и выпили вместе по чашке кофе. За нашим столом был ещё Гордейчев. Володя прочёл своё новое стихотворение «Дикарь», надеясь поразить нас. Но Гордейчев разложил его по косточкам так, что дым от Володи пошёл. Он покраснел, глаза загорелись, пробовал защищаться, но защищался многословно и путано, а Гордейчев его очень умело и кратко садил всякий раз на место. Потом Володя наш простился и, сказав, что его ждут друзья, удалился. Мы взяли такси, Женя проводил меня и уехал к себе в «Россию». Завтра увидимся, может быть. Олег Дмитриев пригласил на день рождения завтра, но я не пью и не пойду, наверно. Парень он отличный, позвоню завтра и сошлюсь на какую-нибудь занятость. Неудобно хитрить перед такими парнями, как Олег, но приходится, а то – гибель.

Володя Изм. хвалился, что его книжка в «С. России» – лучшая по качеству и возмущался, почему не дали массовый тираж. Уже, говорит, звонки в магазин и в издательство со всех концов Москвы: где, мол, книга Измайлова продаётся?

После этих славословий себе, хотя он делает это вскользь, как бы между прочим, он как-то не стал пользоваться вниманием за столом, и мне его даже как-то жалко стало. Сколько ему понадобится сил, здоровья, умения жить среди этих людей, чужих ему, безразличных к его судьбе. Зря, думаю, уехал он из Кузбасса, где знали его и относились к нему всё же неплохо. Всего этого ему тут не видать, а если увидит отчасти, то стоит ему это будет очень дорого. Какой-то он неестественно-живой, деятельный, но всё равно жалко его и смотреть на него мне не весело было. На днях он обещал заехать в общежитие ко мне и Гордейчеву (он ещё живёт у нас в общ.). Володя, как я понял, хочет на всякий случай застолбить и там место, в Воронеже. Это на случай, если не поживётся в Кишинёве и не добьётся Москвы. Надо бы посоветовать ему не выпендриваться перед Гордейчевым – тот парень умница, и Володя где-то может перегнуть и не понравиться ему.

Володя будет в Москве долго, видимо. Говорит, буду, мол, наведываться в бюро по обмену с тем, чтобы, долго не засиживаясь в Кишинёве, сразу – в Москву. Не знаю как это ему удастся. В ЦДЛ – он свой человек, а друзья у него все кучерявы.

Ну, ладно, Миша, может, всё это не интересно, а я расписываю.

Уже второй час ночи, а я вот пишу от этой поздноты ещё более бессвязно и косноязычно. Но ты меня знаешь, я глаже не могу.

Будь здоров, Миша. Всего тебе хорошего.

Виктор. 22.X. 67.

ПИСЬМО ОДИННАДЦАТОЕ

Миша, здравствуй!

Дня два назад я жаловался тебе, что «Кузбасс» забыл обо мне, а сегодня беру свои слова обратно. Получил 82 руб. Заплатили, как видишь, хорошо. И приобрёл я себе зимние ботинки чехословацкие за 32 р. Больно уж понравились.

Говоришь, выбил 2600 строк? Это, конечно, не очень много, если взять всё тобою сделанное, но что поделаешь? Хорошо и так. Сборничек вообще будет пухленький. Название мне нравится: «Свет в окне». Только одно немногостораживает: у нас часто о ком-нибудь и о чём-нибудь говорят осуждающе-иронически: «Тоже мне – свет в окне». Не будет ли это бросать тень на название? А так всё хорошо и таких названий я не слышал. Ты позвони И. Балибалову, он дотошный и чувствует слово. Я – за.

Я же новых стихов пока не написал. То некогда, то болел. Сейчас давление сбил до нормального, но сильно утруждать себя, утомлять пока рискую не очень. Надо постепенно. Кроме всего я бросил курить. Уже две недели не вижу папирос и, надо сказать, тяги особенной не испытываю. Вот и не сажусь за стол. Думаю, что не выдержу и закурю. До праздников не буду писать. А там можно месяц поработать и начинать готовиться к зачётам.

Володю Измайлова я больше не встречал. Я в ЦДЛ не навязываюсь – нечего делать в этой яме. То, что ты пишешь о Лие, похоже на неё. Но неужели она в Кемерово? Ведь Володя говорил, что она, мол, в Кишинёве сидит, а я-де тут ищу возможность обмена уже Кишинёва на Москву. У этого «прямого» человека без пол-литра не разберёшь что к чему. Сейчас он занят организацией рецензий на книжку. Сия компания изрядно вывернет ему карманы. Я уверен, что он не уедет из Москвы, не организовав рецензий в двух – трёх журналах. Ну и пусть. У каждого своя дорога.

Я на днях заходил в «Сов. Россию», но застал там только В. Кострова. Он работает в отделе поэзии национальной. Он, естественно, ничего сказать мне не мог о моём сборнике. Пришлось звонить. Валентин Ермаков (редактор, поэт) сказал мне, что книга отдана художнику на оформление. В декабре думают сдать в набор. Правда, он мне ничего не говорил о стихах. Пообещал разыскать меня, когда понадобится.

Миша, а что если тебе так исподволь отпечатать листа 3 лучших на твой взгляд стихов и послать им? Пусть полежит год – два, время быстро летит, глядишь, и выйдет. Думаю, оно не лишнее тебе будет. Мне кажется, что отнесутся к твоим стихам очень хорошо. А если хочешь надёжнее, то передай Жене, когда он поедет в Москву, или мне после Нового года. Наша нерешительность всегда против нас же и оборачивается.

Ну, у меня пока всё по-старому. Новстишек вроде нет. Стихи мои пока не обсуждали. На семинар к нам приходил С. Марков. Ты же знаешь, что стариков молодые не очень жалуют, но этот старик всем понравился: и говорил толково, и стихи хорошие читал.

Читал ли ты Вознесенского? По-моему, он уже помешался на этих писсуарах, не имеющих никакого отношения ни к Сибири, ни к поэзии вообще. Он меня раздражает. Я уже, как блевотину, не могу его переносить.

Поначалу я терпел его, думал, что он найдёт что-то оригинальное, интересное. Теперь вижу, что запурхался в мусоре, повторяется, и из всего хлама прёт одно – «Я». По-моему, это не поэзия, а безобразие какое-то. Он уже многих сбил и ещё многих собьёт с пути истинного. Это скорее не «за рев.», а «за «б».

Ну, ладно. Он же гений, и не нам, простым смертным, обсуждать дела, им содеянные. А вообще пора бы этого гения изловить в тёмном месте да ремешком по седалищу, чтоб писал вразумительно и к душе русскому человеку.

У нас, наверно, снежок залётывает? Здесь уже всё голо, но зимой пока не пахнет и странно как-то слышать, что где-то уже мороз до 30°.

Ну, пока, Миша. Привет Марии Ивановне большущий, пусть тебя не обижает.

Доброго здоровья, весёлого праздника!

Виктор.

ПИСЬМО ТРИНАДЦАТОЕ

Миша, здравствуй!

...У тех ребят, с которыми я как-то больше сдружился, теперь жёны. Приехали. Вообще не разрешают, но у нас же всё обходится. Так что я теперь совсем один. Совсем отшельником стал. А это редко какой оптимист выдержит. Но я ничего пока, держусь, умею пока не скучать один. Лежу и придумываю себя в самых различных ситуациях и местах. Иной раз такой сложный сюжет закручу (где я сам, разумеется, главный герой), что просто диву даюсь – до чего забавно и увлекательно.

Стихи мои будут обсуждаться 23-го. Прошлый четверг вместо обсуждения приходил к нам режиссёр Чухрай. Слушали его с большим удовольствием 4 часа без перерыва. Очень талантливый человек и красавец-мужчина. Говорил много интересного о западных фильмах и наших. Беседовал с нами также В. Ардаматский – «Сатурн» почти не виден». Сам он, видимо, не очень интересный, но рассказал много интересного о работе в архивах, о сличении наших и немецких архивных документов и т. д. Сейчас он написал повесть о Борисе Савицком, опубликовал в «Неве» № 9 – 11. Надо будет почитать – там много познавательного и почти нет, как он говорит, вымысла. Ведь эта операция разрабатывалась и осущ. при активном участии Дзержинского, Менжинского и др. Но представляешь, как всё забывалось в N-е годы. На всех папках печати 1925 г. И никто к ним с тех пор не притрагивался.

У нас-то, Миша, снежок, морозец, наверно. А здесь слякоть, сырость промозгая. Останкинская башня видна до половины. Другая половина в тучах где-то. Вот смотрю на неё, а мысли далеко, в Сибири. Скорей бы декабрь пролетел, числа 27-го дома должен быть.

Володину книжицу так и не купил. Забежал в лавку, но забыл спросить про неё. Купил Твардовского и Ручьёва. В ЦДЛ хороший книжный киоск, но я туда не ходок, хотя вот и сегодня был рядом.

Володя теперь уж, наверно, отбыл на юг, к новым своим пенатам. Ко мне так и не наведлся. Да что ему я!

Смотрел ли, Миша, четвёртую серию «Войны и мира»? Я смотрел. И вот теперь уже вся она перед глазами и, знаешь, не очень-то, не фонтан, как говорят. Это скорее по мотивам романа. Местами он, мне кажется, опускает много толстовского, сильного и акцентирует внимание на ситуациях и картинах, актуальных сегодня. Смещение некоторое. Может, так и надо, и это специально. Не знаю.

Ну, пока, Миша. Привет Марии Ивановне.

Виктор.

ПИСЬМО ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ

Миша, здравствуй!

Наконец-то обсудили мои стихи. С этого начинаю потому, что более важного чего-то не было за эти дни в моей житухе.

Начали обсуждать ещё на той неделе, но не уложились в 2 ч. И сегодня, т. е. 30-го, закончили это дело. Обсуждение вообще было объективно. Каждый начинал с того, что стихи искренние, от души и т. д. Много было сказано в мою пользу, хотя и всё отрицательное, разумеется, тоже в мою пользу, т. е. на пользу мне. Особо говорили о некоторых длиннотах, пространственности, как любит выражаться Абрамович. Есть разжёвывание и неряшливость в отделке, неточности. Хороших слов было примерно столько же, сколько и плохих. Были и нелепости, которые я отвёл, не принял. Например, говорил один друг, что «птицегрудые» – плохо, и почему, мол, именно в три струны трезвонил ветер, а не в четыре – до чего ограничено, узко люди судят и понимают язык поэзии.

Межиров же говорил не очень много и главное, что он подметил – это то, что школа (под школой он понимает общую культуру, прочитанное, внушённое, перенятое и т. д.) стоит намного ниже природной одарённости... Он говорит, что редко бывает в жизни соответствие одарённости и школы. Обычно школы больше у людей. Говорил ещё о том, что замысел иногда превышает уровень решения, воплощения. Редко, но чувствуется «жесткость конструкции», как он выразился. В лирическом стихе, мол, можно не всегда гнаться за точной рифмой и чётким размером, иногда можно этим и поступиться. Вот, в основном, всё, что он говорил. Короче говоря, можно с ним соглашаться, а можно и не соглашаться. Да он и сам говорит, что слушать слушал, но не брал это в качестве канона, эталона.

Ну, человек он большого опыта не только поэтического, но и как руководителя семинаров, и слушал я его с большим вниманием и доверием. Настроение от сей компании осталось прежнее, основных творческих принципов моих не поколебали – всё хорошо. Со многими замеч. согласился. Ну, всё остальное тоже пока хорошо.

...Сегодня последний день месяца. Осталось ещё 25 дней, а терпежу нет никакого. Так и ушёл бы пешком домой. В Москве мне совершенно не нравится. Город, сам знаешь, чудесный и т. д., но не для моего полевого характера. Сейчас я в этом убедился твёрдо. Очень томит одиночество...

Погода сейчас в Москве – чудесная. Тепло и снег идёт все дни.

Из книг я ничего хорошего пока не купил. На днях, правда, приобрёл «Битву за Кавказ» Гречко. Но книга мне не понравилась тем, что очень суха – сплошные цифры, даты и обозначения частей и т. д. Нет живинки. Причём, это не воспоминания, а с претензией на некое научное пособие. Говорит не об армии, которой командовал, а обо всём, что делалось на всём Северо-Кавказском фронте.

Больше в этой серии новинок нет пока. Хотелось бы заполучить книгу конструктора Яковлева. У нас она прошла как-то незаметно, видно, в моё отсутствие. Говорят, хороша... На Арбате есть магазинчик военной книги, надо бы наведаться.

...О рецензии твоей, Миша, судить не могу, потому что книжки не читал. А так написано хорошо. Ты купи на меня 1 экз., а то разберут к моему приезду. Книжка должна быть интересной, свежей – первая. Хотя мне не нравится его рифмовка, почти евтушенковское: «Чемберлен – человек». Ерунда какая-то. Надо Межирову сказать – вот, мол, ваша «ослабленная конструкция». Что же в ней хорошего? Межиров очень любит Есенина и превозносит на все лады. Ругает Твардовского за то, что он в статье об Исаковском говорит, что Исаковский-де понял, куда идёт деревня, а Есенин нет. Межиров говорит, что Есенин всё понимал лучше И. и Т. вместе взятых. Ну, и много другого хорошего о нём.

Ну, ладно, Миша. Как бы мне прокуковать ещё месяц? Настроение такое, что и за переводы не хочется браться – неделю лежат на столе...

ПИСЬМО ПЯТНАДЦАТОЕ

Миша, здравствуй!

Совершенно солидарен с твоими возмущениями по поводу обсуждения моих стихов. Я, честно признаться, не придаю этому обсуждению особого внимания и значения. Почему? Потому, что ожидал большого, серьёзного разговора, но не получил его. Самая сильная (я считаю) сторона стихов – задушевность, естественность интонаций, язык – были опущены совершенно. Об этом даже и не сказал никто. Да и кто мог сказать, если на семинаре 3 человека, которые знают русский язык. Но и то знают, так сказать, общелитературный язык, грамматику. А нюансы, оттенки этимологические и другие, дух языка – никто не знает. Не пожелал говорить об этом и Межиров. Вначале он покорила меня эрудицией, но сейчас, подумав, я изменил своё отношение ко всему. И если я сразу как-то поверил, что семинары именно могут дать больше всего пользы, то сейчас ясно вижу, что наоборот. Мне больше всего дают лекции по языку художественных произведений – стилистика. Очень ценные, необходимые нам лекции, тогда как семинары идут на уровне лит. групп. Ценным считаю также теорию литературы.

В смысле вообще приобретения знаний, считаю очень интересным предметом политэкономия и менее – философия. Но есть предметы, которые в общем-то мало что дают, добавляют к тому, что я уже знаю. Это такие лекции как «Русская лит.» (XIX в.), «Зарубежная литература», «Изобразительное искусство» и другие. Эти лекции наиболее обзорны, поверхностны и ничего почти нового не дают. Здесь более интересны всевозможные экскурсы в историю.

Живу ничего пока. Курево уже вылетело из головы, и уже не нужно усилий для того, чтобы побороть желание закурить. Но писать не пробовал ещё. По-

дошло время усиленно готовиться к зачётам. Повторяю кое-что по конспектам.

Погода тёплая очень. Навалило снегу, и теперь этот снег тает – сам представляешь, что это за ерунда. Вода и сверху, и снизу. Не знаю, в Москве ли Володя Измайлов. Он ко мне не заявлялся, а я в ЦДЛ не хожу. А это единственное место, где его можно встретить наверняка. Но, думаю, вряд ли он уже успел переехать в Москву. Просто, видимо, наездом. Благо, теперь он не очень далеко живёт.

На днях один студент передал мне записку, в которой был номер телефона Бельчика. Он был в Москве, звонил в общежитие, и студент этот, проходя мимо, взял записку, чтоб передать мне (телефон на 1-м этаже). Но, не найдя меня, он не сунул бумажку в дверь, а положил себе в карман (был в подпитии). Мне эта бумага попала лишь через неделю. Очень обидно. Неплохо бы повидаваться, поболтать. Увидишь Бельчика, скажи, как получилось, что я не смог ему ни позвонить, ни вообще знать, что он в Москве. У нас плохо с вызовом к телефону. Живём на 7-м этаже, телефон на 1-м, и чтоб кого-то позвать, надо подняться, а лифты не работают. Кого-нибудь пошлют крикнуть, он пока идёт – забудет, кого надо позвать, махнёт рукой и уйдёт к себе. На этом и кончается.

У нас сейчас открылись двухмесячные курсы писателей, пишущих на молодёжные темы. В одном здании с нами. Из Сибири очень мало, больше из республик. Приехал В. Кортаев из Вологды. Встретились как старые знакомые. Хожу к нему – очень люблю слушать вологодский выговор. Стихи у него хорошие – русские и без выкрутасов. Одну книжку он мне подарил.

Книг хороших пока не приобрёл. Завтра поеду специально...

Ботинок, Миша, не вижу – вот беда. Есть малые размеры – 39 – 40. Возможно, и бываю, но надо караулить. Когда я искал шапку, один продавец сказал мне: «Мы сегодня целый час торговали шапками, но сейчас уже нет их». Т. е. тот, кто случайно оказался в это время возле, тот взял. Или тот, кто с утра дежурил и знал, что будут давать. Это же такая прорва, какой и представить невозможно. Деньги везде ношу при себе на случай если что-то увижу, но... Может, где-то выкинут, но их хватает тоже не более как на час. Немудрено, если учесть, что через Москву проезжает только более миллиона человек в сутки, не считая половины этой цифры командировочных и т. д. Но, может, что-то улыбнётся

У нас, наверно, морозец крепчает. Вот плохо, что снегов нет. Я люблю снежную зиму.

Ну, ладно, Миша. Пока. Будь здоров и всего тебе хорошего.

А слухам, что в Кузбасс не вернусь, – не верь. Не вернусь только в том случае, если не буду жив. А жить я люблю. Хочу жить долго.

Привет Марии Ивановне.

Виктор.

ПИСЬМО ШЕСТНАДЦАТОЕ

Миша, здравствуй!

Получил вчера аж три письма – из дому, от тебя и от Женьки Буравлёва. Пишет Женя, что скучно, все разбрелись по своим углам, все своим делом заняты. 25-го дек. будет в Союзе совещание-семинар молодых прозаиков. Сразу же, видимо, будут рекомендовать достойных в Союз. От нашего отделения придет Генаша Емельянов. Если у меня будет время, то я постараюсь быть на этом семинаре. Но это вряд ли. 25-го, 26-го, 27-го у нас зачёты за 1-й семестр. А зачёты не с утра, а после лекций. Так что с утра на лекциях, а после четырёх – зачёты эти самые.

Был на днях в «Сов. России». Ходили с В. Кортаевым (у него тоже книга на 1968). Ему показали обложку, но она не понравилась, и её будут переделывать. А эскиз моей обложки художник уже приносил в изд., она была одобрена, и сейчас этот художник работает над ней. В. Ермаков (редактор) парень хороший. Русак из Тульской или Ростовской области... По стихам мы ничего пока не говорили. Кортаеву он сделал некоторые замечания и сказал, что-де не настаивает на переделке. Смотри, мол, сам, можем выпустить и в таком виде, какой стихи имеют. Короче говоря, очень не навязывает свою волю. А парень понимающий (он – поэт и неплохой).

Видел в изд. В. Кострова и В. Парфентьева. Парфентьев спрашивал о Володе Измайлове – как он там? Для него было неожиданностью то, что Володя уже в Кишинёве. Из этого разговора я делаю вывод, что слухи о проживании Володи в Москве ложны. Уж Парфентьев знал бы это – из ЦДЛ не выходит. Он же всегда приписывает Володе то, что, наверно, удивляет самого Володю.

Кортаев звал сегодня к Викулову, но я не пошёл, неудобно. Если случайно сведёт судьба – другое дело, а идти специально не хочу. Был бы он просто поэт, а то ЗАМ, шишка. Кстати, Миша, не обратил ли ты внимания на стихотворение А. Яшина «Грачи» в «Литгазете» с месяц назад? Оно там в довольно обширной подборке. Если не обратил, то открой подшивку (ты же хранишь газеты) и прочти. Вообще он печатается не очень часто, но стихи всё лучше и с болью, с раздумьями. Раньше я не очень как-то жаловал его вниманием.

В «Смену» ещё не ходил и не звонил. Надо бы, конечно, справиться. А из «Октября» забирать, Миша, нет смысла. Ведь стихи-то там те, что уже вошли в книги. Я просто не говорю им, ребята не советуют. Если напечатают – дай бог, а нет, так нет. Да, в «Сиб. огнях» кто-то, видно, завёлся такой, что тоже надо прошибать. Я не думаю, что это сам Романов, он, конечно, предложил редколлегии всё, что ты прислал... Он, мне кажется, сухой человек и язвительный. Может съязвить и Н. Самохин. Не знаю, я тоже на Новый год ничего не готовлю для них пока, хотя уже Романов просил. Потом я какую-то анкету заполнял для них. Была ли тебе сия анкета?

Погода у нас, Миша, тёплая – 2–3°. Такой, знаешь, мягкий, густой снег валит... Но долго ходить не могу пока. Укоренившаяся во мне простуда не велит. Нет ни насморков, ни кашля, а просто ломает все кости и хрустит весь мой остов, как деревянный. На больницу махнул рукой и буду лечиться дома кустарно как-нибудь. Что-то надо придумывать. А так – всё хорошо. Осталось 10 дён до каникул. Надо как-то дотянуть.

Ну, ладно, Миша. Бывай, как говорят. Да, забыл о стихах. Стихи понравились мне, а строфа, что раньше присылал, – лучшая, мне кажется.

Привет Марии Ивановне. Борись с гриппом, ешь лук, а в нос капай сок лимона или цветка...

ПИСЬМО СЕМНАДЦАТОЕ

Миша, здравствуй!

Ну, вот я и добрался. В дороге ничего не стряслось, всё благополучно. Комнату свою нашёл в полном порядке, ничего не тронуто.

Чувствую себя так, как, наверно, чувствует себя приговорённый к суровому наказанию. А ведь ещё 4 месяца! Не дай бог уезжать на такой большой срок от семьи, родных мест.

Ребята ещё не все приехали, на этаже тихо и скучно.

«Сиб. Огни» выслали сюда 140 руб., но машинок с крупным шрифтом не стало. Говорят, что надо записываться на очередь. Как ты думаешь – стоит ли купить с мелким шрифтом? Они есть. Если же брать в комиссионке... Всё-таки старьё. Короче, не знаю, что и делать.

А. Соболев просит рукопись на 1969 год в Перми. Говорит, что железно (он там главный редактор). Говорит, мол, малость новых, а остальные старые, только чтоб не из тех, что идут в «Сов. России». Надо обдумать, что там у меня имеется на сегодняшний день и дать ему ответ. Прислал мне, хорошее по-моему, письмо В. Астафьев. Я высылаю тебе его письмо не затем, чтобы похвалиться, мне этого не надо, а думаю, тебе будет интересно от него услышать некоторые мысли о поэзии и литературе вообще. Писатель он, как ты знаешь, большой, русский очень, всё растущий, и интересно знать, что он думает.

Такие письма старших товарищей помогают, мне кажется, крепче стоять на ногах, отбрасывать сомнения, утверждаться на избранных позициях.

Ну, остальное здесь всё пока по-старому. Погода тёплая (минус 5–6°).

Миша, пиши, когда будет время, не утруждай себя, не отрывайся от основной работы.

Купила ли М. И. ботинки? Если нет, то буду приглядывать. Ну, всего.

Виктор.

ПИСЬМО ВОСЕМНАДЦАТОЕ

Миша, здравствуй!

Я очень рад, что и тебе письмо Астафьева понравилось. Да и не могло не понравиться. Ведь он говорит то же, что говорил и всегда говоришь мне ты. Он целиком разделяет твою точку зрения на литературу, да и мою тоже. За тем, собственно, я и посылал тебе его письмо.

Я живу ничего. Если бы была возможность хоть раз в месяц побывать дома, то и совсем хорошо было бы. Всё-таки 4 месяца срок довольно долгий.

Нового ничего нет, т. е. такого, что взбудоражило бы хоть немного. 20-го пойду в ЦДЛ – будет торжественный вечер, посвящённый Армии. Будут большие военачальники, как сказано в пригласительном билете. А я, ты знаешь, это дело люблю.

Была у нас встреча с Квятковским, составителем словаря поэтического, он у тебя есть, этот словарь. Старик очень интересен. Ему 80 с хвостиком, но живой и умом, и телом, как говорится. Интересен он, прежде всего, своим самостоятельным взглядом на литературу, её теорию. Он говорит, например, что стих Маяковского (лесенка) совершенно не оправдан, что это нарушение или, точнее, разрушение стиха. Приводил убедительные примеры, и с ним спорил Межиров, но менее убедительно. Ещё он говорил, что выражение «форма стиха» – неграмотно, неправильно, а мы по какой-то традиции продолжаем так говорить. Никакой, мол, формы стиха нет, а есть НОРМЫ стиха, и они не имеют ничего общего с содержанием. Содержание выражается определёнными нормами ритмическими, а ритм к метру, размеру неприменим. А у нас, мол, путают эти понятия. С ним, вероятно, можно спорить, но всё-таки изыски эти, на основе изучения всей мировой поэзии, мне кажется, сами по себе интересны.

Звонил в «Смену», узнавал насчёт своих стихов. Богучаров говорит, что стихи в общем понравились и буду, мол, предлагать где-то на июнь – июль. До июня уже всё забито. Можно, говорит, дать два – три стиха и раньше, но хочется сделать подборку побольше. Не знаю, насколько правда то, что он говорит. Если это так, то неплохо.

Миша, купил я себе машинку чехословацкую «Консул». Очень хорошая вещь, но шрифт мелковат. Примерно такой, как у «Москвы», или чуть мельче. Но они дали запасной шрифт, крупный. Перепайка займёт 1 день, если договориться с мастером, но это стоит 30 руб. Я пока не располагаю лишними деньгами, и поработаю с этим шрифтом пока. С постановкой крупного шрифта интервал между строк не нарушается, это предусмотрено конструкцией. Короче говоря, я доволен покупкой и уже освоил её вполне.

Стихи, правда, не пишутся. Но один, чтоб не валять дурака, начал писать в прозе. Написал 2 главы. Получится или большой рассказ, или маленькая повесть. Действие происходит в деревне, перед войной. Рисую деревенскую жизнь, быт, нравы. Отсюда и лексика, и образы упрощённо-выпуклы до натурализма. Основной стержень такой (я уж поделюсь с тобой): в деревню приезжает незнакомый мужик, выдаёт себя за друга одного из сыновей деревенского старжила, работающего в городе (сын в городе). Принят приезжий хорошо, радушно. Отдыхает, помогает по хозяйству и в одно прекрасное время обворовывает соседа. Ну, это я тебе упрощённо, конечно. Вот, а вокруг этого всего – деревенская жизнь. Главная идея – чрезмерная доверчивость, простота и беспечность русского человека. Не знаю, как я её сделаю. Показывал нашим ребятам – прозаикам. Они не верят, что я прозой не писал. Вот такие дела, Миша.

Если мне удастся мало-мальски эта вещица, то я буду продолжать. Ты знаешь, как интересно работать в прозе? Я просто упиваюсь. И до чего всё не просто и нелегко. 1,5 – 2 страницы в день, больше не могу. Название дал «Приходите в гости».

Дома, пишут, всё хорошо пока. Путёвки я заказал на июль, но в литфонде сказали, что есть только три на июнь, с 17-го. Написал Вере Антоновне. Если это мой заказ, то здесь и выкуплю их. Получил в «Октябре» 290 руб. Как раз за путёвки расплатиться хватит.

Ну, ладно, Миша. Будь здоров и не злоупотребляй.

Привет Марии Ивановне.

С приветом, Виктор.

ПИСЬМО ДЕВЯТНАДЦАТОЕ

Миша, здравствуй!

Пишу тебе на машинке не потому, что так мне хочется, а потому, что кончилась паста в шариковой ручке. А сегодня воскресенье, заправить негде.

Получил твоё письмо, которого, признаться, ждал долго и с нетерпением. Думаю, захворал или осерчал что-нибудь. Но, слава богу, всё нормально.

Я эти дни, весь февраль, не очень ленился. Отпечатал и отослал Соболеву рукопись (1000 строк). Перевёл три стихотворения с черкесского. Я уже раньше переводил этого парня – стихи его принял журнал «Знамя» в моём переводе, как он говорит, но они попросили добавить ещё два – три стихотворения.

Кроме всего этого, написал рассказ, о котором сообщал тебе. Показал кое-кому из ребят. Сходятся в одном: язык великолепен, знание того, о чём пишу – тоже, но в общем рассказ, говорят, только картина, а сейчас, мол, надо, чтоб была мысль, и тут каждый предлагает свои пути и варианты. Чёрт его знает, я в этом деле мелко плаваю. Решил отложить этот и засесть за другой рассказ. Он будет по фактуре этого, но с другим сюжетом и другими задачами. Потом посмотрю, что лучше получится.

В рассказе (20 стр.) я всё сконцентрировал на краже в деревне, показал простоту и доверчивость деревенских жителей. Вора ловят, но он всё-таки сбегает, то есть зло ещё ходит по земле, хоть и на одной ноге (вор хромой). Мне сказали, что это, мол, невесомо, надо конфликт закрутить погуще. Чёрт его знает...

В другом думаю провести две линии. Старший из братьев одной семьи живёт в городе. Потом он приезжает в деревню к родителям, и в нём идёт постоянная борьба – и в городе-то он не нашёл того, о чём мечтал, уезжая туда, и возвращаться в деревню неудобно. Последнее всё же побеждает, т. е. у него окончательно созревает решение вернуться в село. Это, мне кажется, большой сейчас вопрос, целая проблема.

Вторая линия – меньшей братишка. Он в том возрасте, когда всё хорошо, радужно, беззаботно. Он прост и доверчив, все ему кажутся добрыми, а если и попадёт иногда за чужой огород, то это бывает больно только физически, так сказать. Но вот он неожиданно, впервые влюбляется в женщину, боготворит её. Всё это чисто, светло. Он ещё не знает пошлости. Но вот, приехавший старший брат, нахватавшийся городских манер и наглинки, показной бравады, просто и легко, на глазах младшего, делает с этой женщиной то, о чём младший и в мечтах не допускал. Первое ранение в душу, первые раздумья о жизни и т. д. Одним словом, хочу показать взросление парня, его переживания. Не знаю, осилю ли все психологические тонкости. Ну, и всё это, понятно, будет происходить на фоне деревенского быта и прочее. Одобряешь ли сей замысел?

Короче говоря, Миша, решил я посвятить это полугодие прозе. Пусть неудачно будет, но без пользы это не пройдёт.

В остальном жизнь моя идёт по-прежнему. Был я в ЦДЛ на торжественном вечере в честь Армии. Председательствовал Сурков. Выступали Тихонов, Во-

робьев, В. Субботин. Он мне особенно понравился и сам собою, и прекрасной новеллой, которую он прочитал. Из военачальников был маршал Конев, тоже очень мне понравившийся. Был приглашён Жуков, но не пришёл из-за болезни. Скоро выйдут его мемуары. Вот бы заполучить! Один из преподавателей литинститута говорил, что читал отрывки и очень высоко оценил их. Написаны, говорит, независимо, прямо, и вместе с тем с большой скромностью и тактом, никакого «яканья».

Недавно я купил мемуары одного генерала, где он говорит о Жукове так: строгий, не любящий лишних слов, быстрый и всегда неожиданный в своих решениях. Немцы никогда не знали, что он выкинет. Вне службы был же прост и разговорчив.

Приходил к нам Винокуров и Казаков, прозаик. Винокуров говорил о поездке в ФРГ и немного о поэзии. Миша, ты читал «Бездну» Льва Гинзбурга? Я читал и в журнальном варианте, и книгу (она недавно вышла и сейчас продаётся). Это о Краснодарском процессе в 1963 году над полицаями. Всей зондеркомандой юга России когда-то командовал некий Кристман. Сейчас он живёт в ФРГ. Вот с этим Кристманом они там и встречались. Интересно, не правда ли? Об этом Винокуров и рассказывал нам. Другая часть разговора была не менее интересной по своей курьёзности. Как известно, Винокурова считают флагманом, так сказать, «интеллектуальной» поэзии. Он говорил, что перспектива развития поэзии именно в этом направлении. Когда кто-то из наших ребят задал вопрос: а как же Есенин? Ведь его читают больше всех, миллионных тиражей не хватает, то Винокуров, не моргнув глазом, ответил, что Есенин – это самый интеллектуальный поэт, что у него нет никаких эмоций, а всё – мысль. В этом, мол, вся и загадка. Я понимаю и без него, что Есенин мыслил поглубже Винокурова и о дружбе, и о любви, о жизни и смерти, о России, но зачем же зачёркивать его лиризм, от которого душа разрывается? Лишь затем, вероятно, что сам Винокуров так писать не может.

Ю. Казаков мне понравился скромностью и, я бы сказал, робостью. Здоровенный парень, похожий на породистого немца. В дискуссиях, видать, не очень силен. При каждом заданном ему вопросе путался и тушевался.

Ну, вот такие у меня новостишки. А так – сижу больше дома, читаю. Иногда в кинишко хожу, тут рядом есть кинотеатр... Думаю снова бросить курить, но не хватает сил. Прямо закуриваюсь. Губы обжёг.

В «Советской России» сдали в набор без меня. За бортом осталось пять стихотворений. Замечания по ним самые незначительные и, я считаю, нелепые. В «Немом кино» построчных замечаний вообще нет, а не понравилось оно в целом. Оказывается, москвичи и не знают, что это такое, и говорят мне, что, мол, ты тут нагородил с этими шапками. Белиберда, мол, непонятная. Ну, как ещё их убеждать-то? Да, говорю, сплеховал, не продумал. «Бабье лето» тоже в целом не показалось. А в «Песни о хлебе» сделали замечание, придрались к слову «застолица». Что, дескать, это такое? Такого слова и в русском языке нет, а есть слово «застолье». Неужели непонятно, что «застолье» – это широкое, торжественное, а «застолица» более конкретное, узкое, семейное. Ну, я спорить не стал, а забрал их, перепечатал и отослал Соболеву.

По моим подсчётам и в том, что вошло в книжку, будет больше двух листов, хотя Ермаков и сказал, что сейчас строго смотрят за листажом. А может, он выкинул и ещё что-то, да мне не сказал.

Асламову, моему сокурснику из Хабаровска, рукопись они завернули. Он завёл с ними какую-то тяжбу, принёс новую рукопись, и не знаю, чем у них кончится. Там в изд. у них неприятный человек Дм. Смирнов. С ним вообще невозможно разговаривать – цедит слова через зубы.

Пародии твои мне в общем понравились. Хороша на Цыбина, но я бы, например, убрал вторую строфу. Меньше было бы нагнетения и ярче восприятие, да и слабей она всех остальных. А так пародия хороша.

На Старшинова – послабей, мне кажется. Четвёртая строка первой строфы не совсем точна «днём – есть. И зубы чистить». Я бы, например, написал: «Полезно ночью – спать, а утром – зубы чистить», ибо зубы днём – не характерно как-то. «И не валять с ним Ваньку» что-то тоже мне резануло, хотя логически это всё понятно. Остальное – в норме. Хорошо просмеял пустые вирши Смирнова. Вот такое моё мнение, Миша. Может, ты не согласишься со мной, но я сказал то, что думаю, как мне легло на душу.

Олег мне прислал хорошее письмо, ободряющее. Сказал, что стишок мой пойдёт в альманахе. Я, признаться, не надеялся и дал ему просто так. Это стихотворение «Мы шли вечернею тропой». Оно большое, строк 60. Для «Сибирских огней» так ничего и не подготовил пока, и не знаю, напишу ли что-то до лета.

Путёвки мне на июнь, с 17 числа, так что поеду, наверно, прямо отсюда в Гагры. Хожу принимаю радоновые ванны. Скрип в костях и суставах не проходит, и если не лечиться, то, наверно, это добром не кончится. Врач говорит: скопление солей, зачатки ревматизма, подагры. Болей, правда, никаких нет, а только хруст. Дома чувствовал себя куда с добром, а тут...

Погода в эти дни в Москве отличная – солнце, тепло. Вообще, скоро весна, дело к тому идёт. Сейчас бы пошляться с ружьшком по колкам. Когда стаивают поля, то в колках снег лежит белыми островами, и там любят озоровать куропатки. Они тогда беспечные какие-то, подпускают прямо вплотную. Подойдёшь, а они копаются в снегу. Тут их и бей. Я, честно признаться, ни одной живности не убивал за свою жизнь, но азарт к охоте, когда есть дичь, испытывал не единожды. Это тоже что-то вроде вдохновения, даже более захватывающее, чем поэтическое или картёжное. Вдохновение, видимо, тут не точно, а именно – азарт.

Ну, ладно, Миша. Хорошо поговорили, пора кончать. Надо в столовку бежать. Тоже дело немаловажное. Большой привет Марии Ивановне. С праздником её.

Виктор.

ПИСЬМО ДВАДЦАТОЕ

Миша, здравствуй!

Как живёшь-можешь? Серчаешь? Не надо. Всё это ерунда. Только мешает работать. Я тут в сплошной тоске и заботе – устроили 6 экзаменов и 8 зачётов, и вот надо пыхтеть.

Коля Пискаев прислал письмо, заботится о стихах. Я их просмотрел и отдал Чигарёвой – она собирает все кассетные материалы. Миша, если сроки сдачи рукописи жёсткие, то, может, ты там с Николой поработаешь? Я бы хотел, чтоб он зашёл к тебе, и вы вместе разобрались в тех пометках, которые сделал я на полях. Я выбрал всего 15 стихов, и Коля может подумать, что я подошёл предвзято. Я отбирал по совести, и сильнейшие стихи, а такие у него тогда получаются, когда речь о чём-то конкретном, я брал («Председатели» и др.). А как переходит на общие темы, так – то чужое, то слабое, теряет своё видение. Это только с глазу на глаз ему надо указывать, наверно. А я приеду только числа 15 июля. Мне кажется, надо ему сделать книжку небольшую, но крепкую, в пику всем остальным – это наше, русское. Хотя у тебя тоже сейчас, наверно, времени будет не ахти как много. Свой надо сборник делать.

Я уже подумал, что зря, может, взялся за Пискаева. Ведь ты давно его знаешь, кому как не тебе бы всё это проверить. Не подумай, что я ретируюсь. Просто думаю, тебе бы приятно было, а? Может, возьмёшься? Ведь мы с ним, по сути, не работали ещё, а только я отобрал 15 стихов по своему вкусу, с которым ты, может быть, и не согласишься. С отбором то есть. В общем, смотри там и черкни мне. А нет – вместе посидим. Понимаешь, я, зная, как долго ты с ним работал, чувствую себя неловко в качестве редактора. Будто влез туда, куда меня и не просили. Это я, Миша, от чистого сердца. Сразу-то не подумаешь всего, а потом маешься. Я и ему написал, что, если у него душа клонится больше к тебе, то я это только приветствую.

Ну, сам я тут живу плохо. Единственное, что утешает, это то, что скоро летние каникулы, и можно быть дома, работать, рыбачить и т. д. А тут ещё эти экза... (письмо не окончено. – Прим. Н. Инякиной).

ПИСЬМО ДВАДЦАТЬ ПЕРВОЕ

Миша, здравствуй!

Получил твоё письмо. Жаль, Миша, очень жаль Толю Саулова. Вот видишь, как получается. Какая нелепость, какая несправедливость! Молодой совсем, полный сил, талантливый. Так и хочется сказать словами Суркова: «А ему бы, весёлому, жить да жить, умирать бы ему к чему?» Да в такое время года. Не вяжется всё это ни с чем, не верится, хотя и сам о себе ничего не знаешь, как не знал и он о своей кончине. В этом и счастье, может быть, людей, что они не знают, когда и что с ними произойдёт. Очень всё это грустно и горько.

Я ещё с утра маялся каким-то предчувствием, что-то мне было не по себе, какой-то озноб, дрожь незнакомая в теле. И вот прихожу домой, получаю от Жени телеграмму. И сразу же почувствовал, что именно ЭТО ночью мучило. С утра и сразу же это неясное предчувствие перешло уже в конкретную боль. Много обдумал за вечер, ночью спал плохо, и только на другой день приехал брат, и я за разговорами развеялся малость. Да, действительно, как никчёмны, мелки и не нужны всякие наши размолвки и ссоры, пусть даже лёгкие, малые. Зачем, кому они нужны? И так жизнь нелегка и коротка, зачем же отравлять её. Литераторам особенно, кажется, не надо забывать об этом. Кроме нас самих есть немало людей, которые могут, а порою и совсем не прочь, испортить нам настроение. А уж кого-кого, но поэта обидеть легче лёгкого.

Ну, я живу тут всяко. Хорошее настроение бывает редко, почти не бывает. То ли я от природы такой меланхолик, то ли ещё что. Но как-то всё больше грустно и неуютно.

Погода стоит скверная, холод собачий. Ночью минусовая температура, а днём – 5–8°. Пальто не взял, надеясь на тепло, и теперь хожу, напялив на себя две тёплые рубашки и плащ. Даже гулять редко выхожу – после прошлых простуд ещё не имею хорошей сопротивляемости простуде. Чуть что – простыл. С завистью слушаю радио: в Сибири +25–32°. Сейчас у меня горячая и трудная пора – экзамены. Уже сдал с горем пополам Зарубежную литературу. Попался вопрос об Артюре Рембо, французском поэте. Сейчас готовлюсь к сдаче эстетики. На днях съездил в Литфонд, получил путёвки с 17 июня. А экзамены у нас до 25-го. Надо упрашивать трёх профессоров о сдаче досрочно (Теория литературы, стилистика и философия). Не знаю, как получится. Если не примут досрочно, то плюну и уеду всё равно. (Пишу, а по окну захлестал холодный крупный дождь с градом, кажется). Ни о какой работе, конечно, и речи быть не может до середины июня. Но это ничего, наверстаю. Не думаю, что всё, что я делаю, зря, не нужно.

В 10-м номере «Смены» дали мои 3 стиха из 5. Я ещё им давал «Иду большой, иду неловкий» и «Бородино», но не дали что-то. Или забраковали по качеству, или по настрою. Но и это – ничего. Я «Бородино» и ещё два стиха отдал в «День поэзии». После звонили, чтоб я принёс что-нибудь из лирики, но я поленился и не отнёс. Не знаю, что там и как. Или они хотели заменить те, что дал, или добавить к ним. Скорей всего, ...забраковали. Ну, и бог с ними. Больше у меня ничего нигде не лежит. Плохо. Были бы стихи – много можно было бы публиковаться, ибо вижу, что окончательных заворотов, отказов мне в журналах, куда ходил, не делали, а везде что-нибудь да выберут. Но вот стихов нет. А если появятся (во что я уже плохо стал верить), то я уеду уже из Москвы. А из Сибири трудно разговаривать.

Был я в ЦДЛ на партсобрании московского отделения, купил книгу лирики Твардовского. Потом подошёл к нему в перерыве и насмелился, попросил автограф. Он спросил – откуда я и что я такое, и сказал: «Подпишу с удовольствием». Подписал. И теперь я всем хвастаюсь, а мне все завидуют. Да и есть чему, правда, Миша?

Издательство мне выслало аванс за рассказ 80 руб. Очень мне это к стати. Надо билеты выкупить до Адлера заранее.

Ну, а остальное всё так, как всегда. Экзамены, судя по первому, будут стоить мне больших нервов. Вот и хорошо будет отдохнуть после всего этого, а потом уже дома, может, поработаю 1,5 месяца. Такая задумка, а как всё пойдёт, не знаю. Книга моя застопорилась в наборе; 6 месяцев пролежала в Электростали, а сейчас отправили в набор в Орёл. Туго и здесь с этим делом. Говорят, скоро должны теперь быть гранки.

Вот, такие, Миша, у меня делишки. Жду не дождусь каникул. Осточертело всё.

Ну, всего тебе доброго. Привет Марии Ивановне и ребятам.

Виктор. 26.V.68 г.

ПИСЬМО ДВАДЦАТЬ ВТОРОЕ

Миша, здравствуй!

Ну, вот и у нас тут, во стольном граде, начинается, кажется, лето. Вчера была температура до +18°, а сегодня пообещали 20 – 22. Это против предыдущих дней (8–12°) очень чувствительно. Только надолго ли?

Стишки в «День поэзии» я больше не понёс. Кто-то сказал, что уже заседала редколлегия, и сверх того, что одобрено, не берут больше. Ну и чёрт с ними. Вот жду не дождусь конца экзаменов. У меня уже всё почти сдано. Остались политэкономия и русская литература – самые трудные предметы. Политэкономия полна всевозможных формулировок, а Р. Л. хотя и знаю в общем-то, но спрашивают то, о чём не думал никто. Т. е. лекции были поверхностны, обзорны, а спрашивают конкретно – образ, скажем, Базарова, Ахметова. Я читал всю русскую классику, но это было где-то 10–15 лет тому, и где же я упомяну все эти образы полно, во всех деталях и т. д. Да и кому это нужно? Школярство, больше ничего. Сидят мужики, написавшие самое малое по 4 книги, а им говорят: расскажите о сюжете, что такое сюжет и т. д.

Мне много дают лекции, слов нет. И слушаю с удовольствием то, чего не знаю. Но экзамены считаю ненужными. Готовиться к ним всё равно не готовимся, но всегда чувствуешь какой-то груз за плечами, который не даёт ни работать, ни думать о чём-то своём. Ну, сейчас, слава богу, всё идёт к завершению первого года – 14 июня у меня последний экзамен, и 16 улечу, если всё будет благополучно, в Гагры. Там прошёл весной мощный шторм, такой, что разрушил и повредил прибрежные постройки. Пострадал и Дом творчества, хотя берег там семиметровой высоты (Мария Ивановна не даст соврать). А всё оттого, что нет пляжа, а стоит бетонная стена. Пляжи «гасят» волны. Но сейчас восстановили всё, и с 17 июня – только первый в этом году заезд.

Стипендию я не успею получить (её дают 25 только), так что буду несколько стеснён. Правда, выручил Олег Павловский. Он дал на радио мой рассказишко, и его тут же пустили в сокращённом виде. Ты, наверно, не слышал. Выслали мне 80 руб. А это как раз на билеты от Москвы до Гагр. Будешь говорить с Н. Н., поблагодари её от моего имени – я не знаю адрес радио, и не смог сделать этого сам...

ПИСЬМО ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЕ:

Миша, здравствуй!

Ну, вот я и в Гагре, греюсь на южном солнце, хотя оно и не очень часто появляется. Не везёт. Когда я был в Москве, здесь было жарко, а там холодно. Сейчас же всё наоборот. Но в общем-то тепло, сносно. Семейство моё со мной, и вроде бы довольно.

Купаться не купались, а загорать врачи не рекомендуют подолгу. Так, что приеду, наверно, белым, как с Северного полюса.

Экзамены сдал все на «отлично», и на зачётах отвечал сносно, но умотался. Как-то неприятно чувствовать себя школьником. Теперь уже всё позади, до 25-го я себе дал отдых, а дальше начну что-нибудь мерекать. Наверно, в прозе, ибо ничего поэтического пока «не мелькает». Работать здесь плохо, почти невозможно, потому что шум дичайший (дом у дороги). И потом здесь шумы не гасятся, а наоборот, усиливаются как-то, как в раковине. Хожу, гуляю, дышу све-

жим воздухом. А в основном маршрут – с кровати да за стол, и наоборот. Читаю детективы разные, лёгкое чтиво, беру в библиотеке. Недавно ходил в книшко «Верная рука – друг индейцев». Если будет идти у нас, сходи. Многого не приобретёшь, конечно, но посмотришь с удовольствием большим. Кто как, а я такие фильмы смотреть люблю. Особенно когда желаешь себе отдыха.

На днях Олег прислал письмишко сюда. Нового ничего не сообщает, всё, говорит, по-старому у него. Женя в Москве где-то с Мазаем.

Знакомых здесь почти никого нет. Один Леонид Чикин из Новосибирска. Я его вижу впервые вообще, хотя раньше читал его стихи на партийные темы. Близко с ним не сходил, что за человек, не знаю, хотя, кажется, парень ничего. Внешне он выглядит лет на 5–7 постарше меня, а как на самом деле, не знаю. Он здесь с женой (Созинова, поэтесса), она меня и узнала, и познакомила с ним. Она меня видела на совещании у нас в Кем. и в Новосибирске. Чикин спрашивал меня о Волошине, а других наших ребят тоже, видимо, не знает. Ты, наверно, тоже с ним близко не знаком.

Ну, а остальные – из разных мест Союза. Дома я буду числа 11 – 12-го. Узнавал по части самолётов. К нам, оказывается, ходит прямой самолёт через Мин. Воды, Свердловск. Это удобно очень.

Ну, ладно, Миша. Писать совершенно нечего. Усталый какой-то к тому же. Пойду гулять сейчас и обдумывать свою предстоящую работу. Всё ещё неясно, какой-то основной жилки не нащупаю никак.

Ну, будь здоров. Привет Марии Ивановне. Прилечу, может, на рыбалку куда-нибудь сходим, посидим на речке, а? Ну, пока.

ПИСЬМО ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЁРТОЕ

Миша, здравствуй!

Как жизнь? Какие новостишки у нас дома? У меня тут всё по-прежнему. Была, правда, небольшая разрядка в моём однообразном житье: съездил во Владимир и Суздаль – старинные русские города. Очень интересно, особенно, в Суздале, который объявлен городом-заповедником. Там не ведётся никакого современного строительства, сохраняется всё древнее, даже «погребки» есть – кабачки, стилизованные под старинные кружала.

Сегодня закончил я вчерне, конечно, свою повестушку. Никому ещё не показывал. Чувствую сам: много ещё надо над ней работать. Но пока я устал от неё, пусть она полежит, позабудется малость. Думаю, числа второго буду дома. Обещали нам дать дней десять на праздники.

Да, Миша, письмо твоё с газетной вырезкой, о которой ты говорил, я так и не получил. Не знаю, или не дошло, или дошло, но затерялось уже здесь, в моё отсутствие. Теряется уже второе письмо (от А. Романова со сборником).

Как же там Женя Буравлёв? Он обещал мне зайти, если будет в Москве, но не заходил пока. Может, изменил своё решение трогаться из Кузбасса. В тот день, когда я был у тебя, я видел его в Союзе. Он сказал, что собирается сдавать дела Мазаеву.

Насчёт стихов я у Павловского не выяснял, а рассказ мой идёт в третьем номере. Это я знаю точно, т. к. видел вёрстку и вычитывал сам.

Забегал я также и в издательство, видел Чигарёву, представился, так сказать, новому главному. Она мне сказала, что вместо неё (в отделе поэзии) сидит теперь Махалова жена. Так ли это, не знаю, сам не видел. Спросила она меня, не буду ли я сдавать заявку на свою эту повестушку на 70-й г. Я сказал, что не уверен, получится ли она у меня, поэтому о заявке говорить рано. А вообще, сглупил, кажется. Надо было на всякий случай застолбить. Думаю, что это ещё не поздно исправить. Даже если придётся сильно перелопачивать повесть. Времени-то достаточно, верно?

В «Сов. России» пока ничего не известно. Набирают в Орле. Говорят, нажмём в последнем квартале года. Пока что имеется вёрстка В. Казанцева, а он на полгода сдавал раньше меня. Вот такие дела.

Погодица здесь сквернейшая. Вчера был туман и дождь, сегодня вроде подморозило. Лучше бы уж морозец. Дома-то, наверно, благодать?

Ну, ладно, Миша. Покеда. Если вздумаешь мне черкнуть, то пиши сразу по получении письма, тогда успеет... застанет меня тут. Ну, а не напишешь – ладно, скоро встретимся дома, если всё будет хорошо. Числа 3-го наведаешься ко мне, поболтаем.

Всё. До свиданья. Привет Марии Ивановне.

21.X.68 г.

Предисловие к письмам и публикация
Нины Михайловны Инякиной (Небогатовой)